

Н. В. Гоголь, какъ эпическій писатель.

21-го февраля 1852 года, послѣ тяжкихъ физическихъ и душевныхъ страданій, скончался въ Москвѣ одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ Н. В. Гоголь, скончался всего 43 лѣтъ, когда русское общество съ твердой надеждой ожидало отъ него новыхъ блестящихъ трудовъ, какъ отъ писателя испытанной опытности и созрѣвшего до высокаго самобытнаго творчества.

50 лѣтъ, протекшихъ со дня смерти великаго поэта, должны были успокоить страсти, неизбѣжныя въ сужденіяхъ о писателяхъ и произведеніяхъ, живо затрогивающихъ явленія современной эпохи. Насколько горячи, а порой и страстны были эти сужденія, всего лучше можно видѣть изъ того, что самъ Гоголь, болѣзненно жаждавшій слышать судъ о своихъ твореніяхъ, иногда изнемогалъ подъ тяжестью суровости этого суда. Особенно тяжелы были замѣчанія на знаменитыя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. „Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово“, пишетъ Гоголь въ своей „Исповѣди“... „Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ“¹⁾. Гоголь на бѣду не

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, подъ ред. проф. Н. С. Тихонова, 1889 г., т. IV, стр. 241.

обладалъ и такимъ счастливымъ сложеніемъ. Отсюда становится понятнымъ, почему гениальный писатель, нѣкогда твердо вѣровавшій въ достоинство своихъ произведеній и значеніе ихъ для современниковъ, потомъ сталъ искать безпристрастнаго суда и памяти въ потомствѣ. Время этого суда настало. Мы еще не можемъ окончательно подвести итога сдѣланному Гоголемъ для послѣдующей русской литературы; но не можетъ быть двухъ сужденій о высотѣ дарованія Н. В. Гоголя и художествъ его произведеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что Гоголь—одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ, гордость и краса русской литературы, могучій выразитель думъ и чувствъ русскаго народа и своей эпохи, высокій воплоитель генія русскаго племени.

Какъ всѣмъ необыкновеннымъ людямъ, съ инстинктивнымъ чутьемъ своихъ дарованій, Гоголю еще на школьной скамейкѣ казалось, что онъ успѣетъ совершить нѣчто достойное памяти его соотечественниковъ, что жизнь его не пройдетъ безслѣдно, что онъ не умретъ ничтожностью на ряду съ „существователями“, а сможетъ послужить всей Россіи, сдѣлается даже извѣстнымъ. Ему только не ясно было, чѣмъ и какъ онъ послужитъ своей родинѣ. Ему сначала казалось, что онъ выдвинется по службѣ, что государственная служба и есть его истинное призваніе ¹⁾. На такой исходъ молодыхъ его стремленій не безъ вліянія, конечно, осталась судьба его родственника, Д. П. Троѣцкаго. Пышный и окруженный почетомъ старческой покой „благодѣтеля Малороссіи“ не могъ не поражать молодого воображенія юноши, полного порывовъ. Другою причиною могъ служить безотрадный взглядъ Гоголя на состояніе современнаго ему правосудія ²⁾. Го-

¹⁾ Соч. Гоголя, IV, стр. 248.

²⁾ Вотъ что говоритъ Гоголь устами генераль-губернатора во II т. „Мертвыхъ душъ“: „Знаю, что никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды... Безчестное дѣло—брать взятки, сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными... Гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплемennыхъ язы-

голю поэтому думалось, что каждый истинный сынъ родины долженъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія, какъ чиновникъ, содѣйствовать водворенію правды въ Россіи и показать примѣръ честнаго и неуклоннаго исполненія долга. Поэтому же онъ избралъ Петербургъ мѣстомъ своей дѣятельности. Въ этомъ центрѣ государственной жизни Россіи онъ надѣялся встрѣтить наиболѣе благопріятныя условія для примѣненія своихъ дарованій. „Здѣсь только человеку можно достигнуть чего-нибудь; тутъ тысячи путей для него“, писалъ Гоголь своей матери ¹⁾.

Карьера чиновника однако не удовлетворила его, какъ она не удовлетворила Карамзина, Пушкина, Тургенева и многихъ другихъ, выдающихся нашихъ писателей. Ясно, что природныя дарованія Гоголя влекли его на иной путь, на которомъ ему дѣйствительно суждено было послужить своей родинѣ и обезсмертить свое имя въ потомствѣ. Это былъ „трудный и тернистый жизненный путь“ писателя ²⁾. И въ этомъ случаѣ Петербургъ былъ счастливо избранъ Гоголемъ, какъ мѣсто, гдѣ скорѣе всего могло быть оцѣнено его геніальное дарованіе. Здѣсь поселился Пушкинъ послѣ тревогъ своего недавняго прошлаго. Здѣсь жилъ Жуковский, столько же чуткій къ поэтическимъ дарованіямъ, сколько готовый отозваться на голосъ нужды и оказать свое вліятельное покровительство. Одному и другому поэту суждено было имѣть рѣшительное вліяніе на жизненную судьбу Гоголя и на его творчество. Связующимъ звеномъ выступали П. А. Плетневъ и А. О. Росетти, блестящая и остроумная фрейлина сначала императрицы Маріи Ѳеодоровны, а потомъ императрицы Александры Ѳеодоровны и прекрасная чтица „Вечеровъ на хуторѣ“ въ присутствіи императора Николая I.

ковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго управленія образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго“ (Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 410—411).

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. В. И. Шенрока, Спб., изд. Маркса, т. I, стр. 152.

²⁾ Ibid., т. II, стр. 152.

Знакомство началось, какъ нужно думать, съ Жуковского, въ 1830 году. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ Гоголь тотъ моментъ, когда онъ впервые предсталъ предъ Жуковскимъ: „Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ“, пишетъ онъ Жуковскому въ декабрѣ 1847 года, „какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ къ тебѣ, уже свершившему полдороги на этомъ поприщѣ... Ты подаль мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему подвижнику! Какъ былъ благосклонно любовень твой взоръ! Что насъ свело, неравныхъ лѣтами? Искусство!“¹⁾ Еще важнѣе было знакомство съ Пушкинымъ. „Подвести его подъ благословіе Пушкина“ стремился Плетневъ. Своимъ орлинымъ взглядомъ Пушкинъ скоро замѣтилъ въ скромномъ и застѣнчивомъ юношѣ великое дарованіе и съ тѣхъ поръ не спускалъ съ Гоголя глазъ, руководилъ его чтеніемъ, хлопоталъ объ успѣхѣхъ его произведеній, слѣдилъ за его творчествомъ. Гоголь, въ свою очередь, выражаетъ рѣшительное благоговѣніе предъ Пушкинымъ, называетъ его геніемъ,²⁾ ввѣряетъ ему просмотръ своихъ работъ, проситъ замѣчаній, указаній,³⁾ видитъ въ немъ примѣръ и поощреніе своего творчества⁴⁾. Послѣ этого не трудно

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 679.

²⁾ См. Письмо его къ Дмитріеву отъ 30 ноября 1832 г.—Письма Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. I, стр. 228.

³⁾ См. письмо къ Пушкину отъ декабря 1834 г.—Письма Гоголя, т. I, стр. 329. Тамъ-же другое письмо по поводу „Арабесковъ“, отъ 7 октября 1835 г.

⁴⁾ Въ 1830 г., когда вышелъ „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, Гоголь писалъ по поводу этого творенія: „Великій! Надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь... еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболѣпства и мелкаго самолюбія не заронилось въ мою душу... Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоинства,—если презрѣнная ничтожная лѣнь окутаетъ меня, если дивныя мгновенія души понесу на торжище народныхъ хвалъ; если опозорю въ себѣ *тобой исторгнутые звуки*,... о, тогда пусть оболѣетъ оно немолчнымъ ядомъ,... неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовѣетъ душу...“ (Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 70).

понять, какое впечатлѣніе должна была произвести на Гоголя смерть Пушкина. Гоголь былъ въ это время за границею. Въ отвѣтъ на письмо Погодина онъ пишетъ: „Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всехъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотою доли не могу выразить моей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ... Свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ предъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были все толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ я, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всемъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой (рѣчь идетъ о „Мертвыхъ Душахъ“) есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслию, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему; и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди. Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?“ ¹⁾ „О, Пушкинъ, Пушкинъ!“ пишетъ Гоголь Жуковскому. „Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!“ ²⁾ Такъ Гоголь самъ лично характеризуетъ свои отношенія къ Пушкину.

Говоря такъ, мы хотѣли лишь указать тѣ литературныя воздѣйствія, которыми началось и сопровождалось творчество Гоголя. Еще юношей вступалъ онъ въ кругъ такихъ испытанныхъ и извѣстныхъ писателей, какъ Пушкинъ и Жуковский, а потому неизбѣжно долженъ былъ подчиниться ихъ критическимъ и теоретическимъ воззрѣніямъ; но существо дарованія и творчества Гоголя было слишкомъ сильно и самобытно, чтобы уступить какому

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. I, стр. 424.

²⁾ Ibid., стр. 459.

бы то ни было давленію. Отсюда произошло то, что при всѣхъ воздѣйствіяхъ Гоголь оставался самъ собою, занялъ въ литературѣ свое, ему одному принадлежащее мѣсто, никѣмъ неоспариваемое. У него свой литературный матеріалъ, который онъ самолично открываетъ даже тогда, когда тема произведенія, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“, была дана ему тѣмъ же Пушкинымъ; у него свой, ему одному свойственный, способъ освѣщенія жизненныхъ явленій, вслѣдствіе чего Гоголь и доселѣ остается въ своемъ родѣ единственнымъ писателемъ, ни разу не повторился, не смотря на то, что у него есть цѣлая школа учениковъ, усердно обращающихся къ тому литературному матеріалу, который онъ впервые затронулъ. Это служить лучшимъ доказательствомъ своеобразности, а слѣдовательно и геніальности его дарованія. Мы коснемся особенностей дарованія Гоголя, насколько оно выразилось въ его эпическихъ произведеніяхъ.

Гоголь былъ истинный поэтъ. Художественное творчество составляло весь смыслъ, все значеніе его жизни, поглощало всѣ его чувства; все остальное, какъ стороннее, отступало на задній планъ. Онъ всю жизнь свою провелъ бездомнымъ холостякомъ, всецѣло отданный созданію своихъ высокихъ произведеній. Онъ отказался отъ работъ въ журналахъ, порой чуть не умиралъ съ голоду, но своему высокому призванію измѣнить не хотѣлъ и не могъ. Онъ считалъ преступленіемъ отнять отъ своихъ творческихъ трудовъ даже нѣсколько дней, видѣлъ въ призваніи художника служеніе самому государству, самому народу. Въ пору высшаго развитія его дарованія и творчества ему казалось, что кратковременная служба его въ качествѣ чиновника, учителя и профессора была только сонъ, только подготовительный шагъ къ его жизненному призванію—писательству. Въ послѣдніе годы жизни, когда тѣлесные недуги стали его одолевать, когда минуты художественнаго вдохновенія и производительнаго творчества стали посящать его все рѣже и рѣже,—онъ страдалъ безконечно; ему казалось, что смыслъ жизни его исчерпанъ. Это былъ въ полномъ

смыслъ художникъ-мученикъ, привѣтствовавшій благодарными слезами каждую минуту творчества, какъ приближавшую его къ исполненію задачи его жизни—окончанію „Мертвыхъ Душъ“. Отсюда ясно, почему такъ величественны и художественны его высокія созданія и такъ слабы его произведенія прозаическія, почему наброски его по исторіи Малороссіи отличались огненнымъ языкомъ, почему въ очень немногихъ удачныхъ профессорскихъ чтеніяхъ виденъ больше поэтъ, чѣмъ ученый.

Гоголь—художникъ пластикъ. Онъ созерцаетъ типъ или явленіе въ совокупности внутреннихъ и вѣшнихъ особенностей, какъ живописецъ или ваятель, у которыхъ духовная жизнь человѣка въ самый моментъ созерцанія ея нераздѣльно сливается съ вѣшностью человѣка, его лицомъ, мимикой, выраженіемъ глазъ, складкой одежды, положеніемъ тѣла, походкой и т. п. Для живописи и ваянія, такъ сказать, нѣтъ прошедшаго и будущаго, а только настоящее; потому что, по свойству самого матеріала, эти искусства могутъ изображать только одинъ моментъ. Гоголь обыкновенно беретъ свой типъ уже сложившимся, въ опредѣленное время, но за то рисуетъ его предъ нами съ исчерпывающею полнотою душевныхъ и тѣлесныхъ состояній, движеній и положенія. Такъ онъ беретъ Плюшкина въ тотъ моментъ, когда пагубная страсть скупости сдѣлала свое разрушительное дѣло, когда онъ утратилъ чувство отца, чувство чести своего положенія, обратился въ „заплатаннаго“, въ „рыболова“, по выраженію крестьянъ, готовъ былъ стащить ведро зазѣвавшейся бабы, когда онъ утратилъ свой обычный видъ и былъ принятъ Чичиковымъ за ключницу. При этомъ Гоголь знакомитъ насъ съ малѣйшими особенностями его лица, костюма, движеній, со всѣми мелочами обыденности, опредѣлившимися подъ вліяніемъ господствующей страсти. Словомъ, бери полотно и рисуй: художникъ далъ все необходимое для картины. Эта пластичность не оставляетъ Гоголя и тогда, когда онъ беретъ своего героя въ разныхъ моментахъ его жизни, какъ Чичикова. Вспомнимъ, напр., Чичикова во фракъ изъ сукна

Наваринскаго пламени съ искрой, когда онъ впервые примѣряетъ костюмъ. Описаніе своего героя самъ Гоголь заканчиваетъ восклицаніемъ: „Художникъ, бери кисть и пиши!“ ¹⁾ Послѣ этого легко понять, почему еще на школьной скамейкѣ Гоголю не трудно давалась живопись, почему произведенія архитектуры и пластики были любимымъ предметомъ его наблюденій дома и за границую.

Въ связи съ пластикой творчества Гоголя находится объективность его творчества. Она являлась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тщательнаго наблюденія человѣка и жизненныхъ явленій „до воспріятія всего прозаическаго существеннаго дразга жизни“, „всего тряпья до малѣйшей булавки, что кружится ежедневно вокругъ человѣка“ ²⁾. Благодаря этому человѣкъ и явленія природы возникали въ сознаніи поэта въ такой полнотѣ сущности и виѣшнихъ проявленій, что исключался личный произволъ автора въ ихъ освѣщеніи. Съ цѣлю обезпечить себѣ возможность спокойнаго созерцанія предмета, Гоголь иногда старался отдалиться отъ него, чтобы предохранить себя отъ волненій и увлеченій, неизбѣжныхъ при созерцаніи предметовъ, близкихъ не по одной пространственности. „Настоящее слишкомъ живо“, говоритъ Гоголь, „слишкомъ шевелить, слишкомъ раздражаетъ, перо писателя нечувствительно переходитъ въ сатиру“ ³⁾. Въ этомъ обстоятельствѣ Гоголь ищетъ оправданія, между прочимъ, и для своей поѣздки за границу. Онъ находитъ, что въ близкомъ соприкосновеніи съ изображаемой средой „видишь передъ собою только тѣхъ людей, которые стоятъ близко отъ тебя: всей толпы и массы не видишь, оглянуть всего не можешь“. Поэтому Гоголь хочетъ стать „на такое мѣсто, откуда онъ могъ бы увидать всю массу..., какъ бы отдалившись отъ настоящаго, обратить его нѣкоторымъ образомъ для себя въ прошедшее“ ⁴⁾. Здѣсь, повидимому, находитъ себѣ

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 392.

²⁾ Ibid., т. IV, стр. 263.

³⁾ Ibid., т. IV, стр. 259.

⁴⁾ Ibid., стр. 259—260.

объясненіе самый процессъ писанія Гоголя. Какъ извѣстно, онъ не любилъ спѣшить изданіемъ сочиненій, любилъ, чтобы они „отлежались“, медленно переходилъ отъ набросковъ и передѣлокъ къ окончательной редакціи. Такой процессъ продолжительнаго созерцанія предмета давалъ ему возможность „сообразить все отъ мала до велика, ничего не пропустивши“ изъ того, что касается не только крупныхъ чертъ характера, но и мельчайшихъ подробностей его проявленія. Такъ получалось „полное воплощеніе въ плоть“, „полное округленіе характера“ ¹⁾ и съ тѣмъ вмѣстѣ сглаживалось отраженіе личности самого автора въ воспроизведеніи лицъ и явленій: предъ читателемъ выступалъ типъ или предметъ, какъ одинъ и другой существуютъ внѣ насъ.

Съ пластикою и объективностью творчества Гоголя находится въ органической связи его реализмъ. Какъ живописецъ или ваятель нуждаются въ такъ называемыхъ натурщикахъ, чтобы идеи и образы, созданные фантазіею, нашли болѣе жизненное и правдивое воплощеніе, такъ и поэтъ-пластикъ только чрезъ внимательное наблюденіе жизни и ея явленій можетъ достигать истинной художественности или жизненной правдивости своихъ созданій. Эта черта, наблюдаемая у каждаго поэта-художника, выступаетъ у Гоголя съ особенною очевидностью. Гоголь замѣчаетъ о себѣ: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать челоуѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности“. Это, конечно, не значитъ, что Гоголь давалъ лишь голую копію дѣйствительности; нѣтъ, онъ творчески преобразовывалъ ее, одухотворялъ и обобщалъ разрозненное общеою идеею, какъ онъ самъ говоритъ: „Я никогда не писалъ *портрета*, въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ *портретъ*, но создавалъ его вслѣдствіе сообра-

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 263.

женья, а не воображенья. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ; потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе,—и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого“ ¹⁾. Эта личная исповѣдь Гоголя объясняетъ намъ существеннымъ образомъ то, почему въ своемъ творчествѣ онъ останавливался преимущественно на явленіяхъ современной жизни. „У меня не было влеченія къ прошедшему“, говоритъ Гоголь. „Мой предметъ была современность, жизнь въ ея нынѣшнемъ быту“ ²⁾. Даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Тарасъ Бульба“, „Вій“, „Страшная мѣсть“, Гоголь затрогиваетъ такую старину, которая еще была жива въ современномъ преданіи, была доступна постиженію съ живой ея стороны, поддавалась уразумѣнію, „угадыванію“ въ живыхъ типахъ, во внутреннемъ значеніи явленій. Въ этомъ смыслѣ Гоголь водворялъ въ русской литературѣ пріемъ творчества, который далеко не можетъ быть понимаемъ, какъ обычный, исторически установившійся и строго выработанный. Его предшественникомъ, учителемъ, но и современникомъ можетъ быть названъ лишь Пушкинъ.

Указанныя особенности творчества Гоголя неизбѣжно порождали собою націонализмъ его поэзіи. Въ повѣстяхъ Гоголя, начиная съ его „Вечеровъ“, выпукло и отчетливо выступаютъ бытовые особенности русскаго племени, особенности народнаго міровоззрѣнія и не только традиціоннаго, унаслѣдованнаго отъ старины, какъ преданія о Купальской ночи, утопленницахъ, колдунахъ и колдуньяхъ и т. п., но понятія и воззрѣнія новыя, сложившіяся не безъ вліянія западно-европейской образованности. Въ этомъ отношеніи Гоголь можетъ и долженъ быть названъ національнымъ поэтомъ въ томъ же значеніи, какъ и Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Гончаровъ и др.,

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 256—257.

²⁾ Ibid., стр. 259.

какъ писатели, связанные съ своимъ народомъ всѣми особенностями своей личности, своего творчества, и какъ выразители отличительныхъ чертъ русскаго народнаго быта въ своихъ твореніяхъ, какъ воплоатели русскаго народнаго гения, его языка, доведеннаго ими до высокаго совершенства.

Но въ изображеніи русской жизни у Гоголя есть своя особенность, которая рѣшительнымъ образомъ выдѣляетъ его въ ряду великихъ русскихъ писателей. Особенность эта—юморъ. Смѣхъ Гоголя не сатира Некрасова или Щедрина, ни даже Островскаго, еще менѣе Тургенева и Достоевскаго. Сатира названныхъ писателей обозначаетъ каждую вещь собственнымъ именемъ, безъ прикраша и смягченія рисуетъ предъ нами рядъ неприглядныхъ явленій русской дѣйствительности, такъ что читателю становится иной разъ тяжело до нестерпимой боли, напр. при чтеніи нѣкоторыхъ сценъ у Достоевскаго. Не то у Гоголя. Смѣхъ, по вѣрному пониманію Гоголя, имѣетъ примиряющее значеніе. Поэтому даже тогда, когда изображаемая сцена тяжела, невольный смѣхъ, являющійся у читателя, какъ слѣдствіе принятаго авторомъ освѣщенія, умѣряетъ горечь впечатлѣнія и ставитъ читателя выше раздраженія противъ людей. Возьмемъ хотя бы сцену, когда Чириковъ въ роскошномъ фракѣ изъ сукна Наваринскаго пламени съ искрой валяется въ ногахъ генераль-губернатора или въ ногахъ Муразова при посѣщеніи послѣднимъ тюрьмы. Постоянное напоминаніе объ этомъ фракѣ вызываетъ у васъ невольную улыбку, хотя самая сцена тяжела: на вашихъ глазахъ человѣкъ, подавленный грозою грядущаго правосудія и безпомощный, и умоляетъ о пощадѣ и не находитъ ея. Юморъ Гоголя дѣлаетъ и то, что предъ читателемъ какъ бы невольно исчезаетъ привлекательная сторона жизненныхъ явленій и выступаетъ лишь ихъ пошлость. Предъ вами дамы пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятная. Это лестное названіе ими было, конечно, заслужено, но Гоголь оставляетъ въ тѣни то, что было въ нихъ привлекатель-

наго, и выставляетъ лишь пошлѣе и притомъ съ такою силою и осязательностію, что читатель не можетъ удержаться отъ смѣха. Но въ юморѣ Гоголя есть и другая сторона: нравственное страданіе отъ сознанія несовершенствъ нашего общественнаго строя, несовершенствъ отдѣльныхъ представителей общества. И страдаетъ прежде всего самъ авторъ, которому суждено было „идти рука объ руку съ своими странными героями“. Его страданія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ любитъ своего ближняго, чѣмъ сильнѣе желаетъ содѣйствовать нравственному совершенствованію своей родины. Прекрасно выразилъ это душевное состояніе Гоголя Пушкинъ, назвавши его „великимъ меланхоликомъ“¹⁾. Это сочетаніе меланхолии и смѣха составляетъ отличительную черту личности и творчества Гоголя и проходитъ красною нитью чрезъ всю его жизнь. Помимо сознанія и воли Гоголя оно проявляется у него довольно рано. Вотъ, напр., что онъ говоритъ о происхожденіи смѣха въ своихъ первыхъ повѣстяхъ: „На меня находили *припадки тоски*, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходять на умъ никакіе вопросы, подталкивала“²⁾. Отсюда происходитъ то, что уже въ первыхъ повѣстяхъ Гоголя встрѣчаются лирическія отступленія, исполненныя глубокой грусти.

Вполнѣ естественно и то, что юморъ Гоголя углубляется съ лѣтами. Опытъ жизни, знакомство съ печальными общественными явленіями, ускользавшими отъ наблюденія юноши, созрѣваніе ума

¹⁾ Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. II, Москва, 1898 г., стр. 186.

²⁾ Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 248.

и творчества, сближеніе съ людьми болѣе развитыми и лучшей школы неизбежно вели къ тому, что сатира Гоголя шире и глубже захватывала комическую сторону русской общественности. Въ первомъ его литературномъ опытѣ, „Ганцъ Кюхельгартенъ“, нѣтъ ни русской дѣйствительности, ни основъ творческаго дарованія гениальнаго юноши. Иначе пошло дѣло, когда Гоголь коснулся родной почвы любимой имъ Малороссіи. По собственному признанію Гоголя, онъ остановился на явленіяхъ быта Малороссіи потому, что замѣтилъ большой интересъ къ нему въ образованныхъ кружкахъ Петербурга, но это не мѣшало ему разомъ произвести своего рода переворотъ въ исторіи русской литературы. Бытовые явленія народной жизни уже раньше Гоголя съ разнымъ успѣхомъ затрогивались нашими писателями, особенно романтической школы. Изъ людей, близко стоявшихъ къ Гоголю, слѣдуетъ при этомъ назвать Жуковского и Пушкина. Но ни у кого изъ предшественниковъ народный бытъ не былъ предметомъ столь полного и нарочитаго воспроизведенія, какъ у юнаго Гоголя. Это его рѣшительная заслуга. Его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и отчасти „Миргородъ“ существенно расширяли содержаніе тогдашней русской литературы и закрѣпляли существованіе повѣсти, какъ формы эпоса. Самый приѣмъ освѣщенія предмета особенный, для поры Гоголя исключительный.

Про эти рассказы изъ быта Малороссіи мало сказать, что въ нихъ видна его горячая любовь къ своей ближайшей родинѣ: Гоголь влюбленъ въ нее и невольно заражаетъ читателя своимъ чувствомъ. Нужно быть сѣверяниномъ, чтобы судить, насколько очаровательна Малороссія, нынѣшняя и эпическая, въ очеркахъ Гоголя; сколько искренняго и неотразимаго восторга возбуждаетъ Гоголь въ читателѣ предметомъ своихъ рассказовъ. Повѣсти изъ Малорусскаго быта—это романтическій періодъ творчества Гоголя и не потому только, что онъ затрогиваетъ въ нихъ народные преданія и козацкую старину, но еще болѣе потому, что въ нихъ сказывается столько молодого увлеченія прошлымъ и

настоящимъ родины. Изъ далекаго и холоднаго Петербурга созерцаеть онъ влюбленными очами чудное небо Малороссіи, упоительную украинскую ночь, сады вишень и черешень, красоту дѣвицъ и удалъ паробковъ, онъ погруженъ въ преданія родной старины и за этими прелестями былого и настоящаго какъ бы не хочетъ видѣть того тяжелаго и скорбнаго, которымъ преисполнена человѣческая жизнь. Вспомнимъ только Петруся и Пидорку, жизненное счастье которыхъ разбито деспотизмомъ разбогатѣвшаго и зазнавашагося мужика; вспомнимъ самодурство головы, соперничающаго съ сыномъ въ ухаживаніи за любимой и любящей дѣвухой. А несчастная судьба падчерицы, доведенной до самоубійства истязаніями мачихи и безхарактерностію отца? А одичалая любовь колдуна-отца къ своей дочери Катеринѣ? Но очарованный авторъ проходитъ мимо печальныхъ явленій, какъ будто не хочетъ разрушить очарованія картины. И достигаетъ своей цѣли. Онъ владѣетъ секретомъ парализовать тяжелое впечатлѣніе отъ обычныхъ и непривлекательныхъ проявленій малорусскаго общежитія. Вспомнимъ хотя бы фигуру пьянаго Каленика, какъ онъ въ своемъ винномъ упоеніи никакъ не можетъ протанцовать гопака, ни распознать своей хаты и отважно водворяется въ хатѣ головы къ полному смущенію послѣдняго. Нѣтъ, въ русской литературѣ нѣтъ рѣшительно никого, кто могъ бы соперничать съ Гоголемъ въ заразительномъ и искреннемъ смѣхѣ. Пушкинъ, конечно, былъ правъ, когда сказалъ, что Гоголь выучилъ насъ искренно смѣяться. По сообщенію современниковъ, смѣяться начинали раньше, чѣмъ принимались за чтеніе новой повѣсти Гоголя, какъ будто были увѣрены заранѣе, что она должна быть непременно смѣшна.

Въ „Миргородѣ“ смѣхъ глубже. Въ сочиненіяхъ, вошедшихъ въ сборникъ этого имени, вниманіе поэта поглощено не событіемъ, а личностію. „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Вій“, „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“: таково заглавіе повѣстей

этого сборника. Это былъ большой шагъ впередъ въ исторіи творчества Гоголя. Событіе давалось преданіемъ, наблюденіемъ, но личность приходилось создавать, „угадывать“ и изъ отрывочныхъ наблюденій возсоздавать живыя черты ея. Чтобы охарактеризовать юморъ Гоголя этого періода, мы остановимъ вниманіе читателей не на похожденияхъ Хомя Брута и не на личности живописнаго Ивана Никифоровича Довгочхуна; нѣтъ, мы попросимъ вспомнить личность Ивана Ивановича съ его прелестной бекешей, этого Миргородскаго краснобая, человѣка учтивѣйшаго, какъ сама учтивость. Былъ жаркій іюльскій день. Иванъ Ивановичъ отдыхаетъ подъ навѣсомъ, осматриваетъ свои владѣнія и думаетъ: „Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строенія, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоящая; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ.. Чегожъ еще нѣтъ у меня?... Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?“ ¹⁾ Въ этомъ размышленіи Иванъ Ивановичъ весь на лицѣ; здѣсь исчерпанъ весь міръ его помысловъ и желаній. Итакъ, дальше сливъ, грушъ, перегонной и капусты не простираются его порывы. Когда перечитываешь это мѣсто повѣсти, то невольно спрашиваешь себя, да гдѣ же тутъ человѣкъ съ его стремленіями, порывами, возвышающими его надъ матеріальнымъ міромъ? Этого человѣка нѣтъ здѣсь, и напрасно вы будете искать его на страницахъ повѣсти: онъ весь подавленъ матеріальностью и не только подавленъ, но и чувствуетъ себя прекрасно, считаетъ себя счастливымъ и вполне удовлетвореннымъ. Жизнь Ивана Ивановича—это сонъ,—сонъ безъ пробужденія, безъ прозрѣнія, сонъ съ открытыми глазами, которымъ однако не суждено усмотрѣть смысла и назначенія жизни человѣка.

Перевернемъ лучше нѣсколько страницъ „Миргорода“ и раскроемъ чудную эпопею Гоголя „Тарасъ Бульба“. Тарасъ только что вѣхалъ въ Сѣчь. По самой срединѣ дороги спитъ запорожецъ.—„Эхъ, какъ важно, развернулся! Фу ты, какая пышная

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 410.

фигура! вырвалось замѣчаніе Тараса“¹⁾. Если бы мы наткнулись на такую картину на одной изъ Кіевскихъ улицъ, то, конечно, не пришли бы отъ нея въ восторгъ. Все это такъ; но посмотримъ этого запорожца въ другой моментъ, когда онъ выступаетъ въ походъ за праотеческую вѣру и за свою родину. Въ эту минуту онъ весь проникнутъ чувствомъ долга и всего менѣе думаетъ о себѣ, объ удобствахъ, о самой жизни своей. Онъ даже не понимаетъ, какъ можно въ такую пору думать о себѣ, когда родина съ надеждой смотритъ на него.—Ивана Ивановича мы, конечно, никогда не увидимъ растянувшимся среди дороги и улицы: онъ для этого слишкомъ благовоспитанъ; но мы не увидимъ его и въ ряду защитниковъ отечества. Иванъ Никифоровичъ купилъ ружье, когда *собирался* въ милицію²⁾; Иванъ Ивановичъ даже и не собирался въ милицію и ружье покупаетъ исключительно для охоты.

Да, поразительна сила дарованія Гоголя—прозрѣвать высокое въ средѣ, поражающей насъ наружною неприглядностью, и безконечно пошлое въ людяхъ, по вѣншему виду благоприличныхъ.

Но эта сила дарованія Гоголя съ особенною очевидностію проявилась въ повѣстяхъ изъ Петербургскаго быта и въ поэмѣ „Мертвыя души“. На произведеніяхъ этой поры главнымъ образомъ покоится слава Гоголя, какъ эпического писателя; съ ними же въ органической связи стоитъ цѣлый рядъ явленій послѣдующей русской литературы. Въ свою очередь, вліяніе Гоголя на общество и его самосознаніе опять таки опредѣлилось прежде и болѣе всего повѣстями того же періода его литературной дѣятельности. Съ глубиною, неизвѣстною раньше, воспроизведены здѣсь общественная пошлость и разныя общественныя нестроенія. Пора юношескихъ иллюзій, очевидно, миновала для Гоголя безвозвратно. Для созрѣвающаго автора открылись такія стороны русской дѣйствительности, которыя прежде ускользали отъ вниманія. Нельзя отрицать

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 266.

²⁾ Ibid., стр. 415.

и того, что Гоголь на сѣверѣ былъ сторонній наблюдатель. Между нимъ и бытовыми явленіями не стояло дѣтскихъ привязанностей, всегда скрашивающихъ окружающую обыденность. Поэтому изощренный наблюденіемъ глазъ Гоголя видѣлъ вещи въ ихъ подлинномъ видѣ, безъ прикрасъ. Картины просились на бумагу и находили на ней выразительное воспроизведеніе. Сила красокъ здѣсь такъ велика, юморъ такъ беспощаденъ, смыслъ затронутыхъ общественныхъ явленій такъ очевиденъ, что обществу не возможно было оглянуться на себя. Дѣйствіе картинъ общественной жизни тѣмъ сильнѣе, что авторъ видимо не употребляетъ нарочитаго усилія сгущать краски или навязывать свои личные воззрѣнія. Этого мало. Еще при жизни Гоголя общество далеко не всегда и раздѣляло теоретическія его воззрѣнія, но это нисколько не ослабляло впечатлѣнія великихъ его твореній. Бывало время, когда Гоголь, смущенный дѣйствіемъ своей сатиры, неожиданнымъ для него самого, готовъ былъ отречься отъ лучшихъ своихъ произведеній, составляющихъ гордость русской литературы ¹⁾; но и это нисколько не поколебало высокаго общественнаго значенія литературной дѣятельности Гоголя, ни вѣры въ его творчество.

Съ историко-литературной точки зрѣнія наиболѣе важно уяснить, что въ повѣстяхъ этого періода привнесено Гоголемъ новаго въ русскую литературу въ значеніи литературнаго матеріала и способа его обработки. Гоголь отвоевалъ здѣсь себѣ особый уголокъ, мало затронутый его предшественниками. То была традиціонная чиновничья и помѣщичья Русь, въ которую довольно слабо проникалъ свѣтъ истиннаго образованія, куда не проникали высокіе идеалы жизни, выработанные совокупными усиліями культурныхъ народовъ, куда даже слабо проникало пониманіе истиннаго христіанства,—міръ людской пошлости, ничтожности, мелкихъ стремленій, опутывающихъ жизнь человѣка. По замѣчанію Пушкина, высказанному имъ самому Гоголю, „еще ни у одного пи-

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. I, стр. 425 т. III, стр. 80—81.—Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 3, 4.

сателя не было дара выставять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ“. Гоголь и самъ признавалъ, что это его „главное свойство, одному ему принадлежащее, и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей“¹⁾. Значеніе затронутыхъ Гоголемъ общественныхъ явленій заключалось въ томъ, что они господствовали въ русской жизни, давали тонъ времени, производили столь сильное давленіе на жизнь меньшинства, что порой требовалось не мало силы воли и выработанности воззрѣній, чтобы не уступить общему теченію.

Гоголь не разъ называетъ свое время переходнымъ, смущенно смотреть на современную растерянность и колебаніе умовъ и призываетъ людей дарованія встать на стражъ общественныхъ интересовъ и громкимъ кличемъ будить тѣхъ, въ комъ еще не погасло живое чувство любви къ русскому народу и его будущему. Самъ онъ старался достигнуть этой цѣли изображеніемъ общественной пошлости и угрожающихъ размѣровъ ея. Нѣкоторыя картины достигаютъ у Гоголя глубокаго трагизма и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнены теплой любви къ забытымъ людямъ. Какъ въ подтвержденіе нашей мысли, такъ и для характеристики Гоголевскаго творчества этой поры, мы остановимся на небольшой повѣсти Гоголя „Шинель“. Тургеневъ, ученикъ и поклонникъ Пушкина, выразился объ этой повѣсти: „Мѣднымъ всадникомъ“ нельзя было любоваться въ одно время съ „Шинелью“²⁾. Безъ преувеличенія можно сказать, что направленіе творчества Достоевскаго опредѣлилось прежде всего „Шинелью“ Гоголя.

Новое въ повѣсти—герой ея, маленькій и даже невзрачный чиновникъ, одного изъ Петербургскихъ департаментовъ, вѣчный титулярный совѣтникъ, Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ. Наша

¹⁾ Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 87.

²⁾ Полное собр. соч. И. С. Тургенева, посмертное изд., 1883 г. т. I, стр. 40.

литература догоголевскаго періода не любила вѣдаться съ такими маленькими людьми. Гоголь замѣтилъ ихъ и освѣтилъ съ такою любовью, съ такою силою гуманности, глубокаго проникновенія во внутреннюю жизнь маленькаго челоуѣка, до которыхъ до-гоголевская литература не поднималась; не поднимался раньше „Шинели“ и самъ Гоголь.

Башмачкинъ—бѣдное, забытое существо, до того придавленное канцелярской дисциплиной добраго стараго времени, до того смирившееся, что даже департаментскій сторожъ не вставалъ, когда проходилъ мимо Акакій Акакіевичъ, и не снималъ съ него капота, въ который превратилась его развалившаяся шинель. Товарищи обращались съ нимъ грубо-добродушно, сыпали ему на голову бумажки, толкали подъ руку и мѣшали работать. Все безропотно сносилъ Башмачкинъ, никого не обидѣвшій въ своей жизни не только дѣломъ, но и словомъ, и только иногда, когда шутки становились невыносимо грубы, скажетъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ Это былъ вопль безсилія и беззащитности противъ жестокости собратьевъ. А жизнь дома? Получая ничтожное жалованье, онъ еле-еле сводилъ концы съ концами, ѣлъ впроголодь и съ такой приправой, которую не принято называть. Нужда, отсутствіе общества и умственнаго интереса сдѣлали то, что Акакій Акакіевичъ какъ будто утратилъ чувство жизни, ни на улицѣ, ни въ департаментѣ никого не замѣчалъ, занятый исключительно своимъ дѣломъ. Къ довершенію бѣдствій его шинель отказывалась служить. Самая скромная стоимость новой—80 рублей, разумѣется, ассигнаціями, или около 20 рублей сер. на наши деньги. Лакей богатаго дома дороже платитъ за свое пальто, а бѣднаго Башмачкина эта цѣна окончательно обезоружила. Гдѣ онъ достанетъ денегъ? Часть ихъ онъ надѣялся получить къ празднику въ видѣ обычной награды; но гдѣ достать остальные? И вотъ бѣдный труженикъ отказывается отъ ужина, вечерняго чая, занятія по вечерамъ, чтобы сдѣлать экономію на свѣчахъ, ходить по улицѣ чуть не на цыпочкахъ, чтобы не износить лиш-

ней пары сапоговъ и подметокъ. По замѣчанію автора, даже испытанному въ лишеніяхъ Башмачкину трудновато было привыкать къ такой дисциплинѣ жизни. И пусть не подумаетъ кто-нибудь, что Башмачкинъ утратилъ различіе между красивымъ и некрасивымъ, что у него нѣтъ вкусовыхъ ощущеній. Онъ хорошо знаетъ разницу между куньимъ и кошачьимъ воротникомъ, но осужденъ довольствоваться кошачьимъ; хорошо знаетъ преимущества шелка предъ коленкоромъ, но долженъ ограничиться послѣднимъ.

Но вы взгляните на него въ новой шинели. Какъ дитя, радовался онъ своей обновкѣ, снималъ съ нея каждую пушинку, въ праздничномъ настроеніи, давно ему незнакомомъ, шель онъ въ новой шинели къ своему сослуживцу и вотъ въ одномъ большомъ и освѣщенномъ магазинѣ увидѣлъ картину, изображавшую привлекательную женщину. Акакій Акакіевичъ усмѣхнулся. „Почему онъ усмѣхнулся?“ спрашиваетъ авторъ. „Потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой однакоже все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье?“ Да, не суждено было Башмачкину счастье семьи. Бездомнымъ бобылемъ, безъ участія, среди тяжелаго покровительства и насмѣшекъ короталъ онъ свой вѣкъ. На бѣду уличные грабители стащили съ него шинель. Не нужно красокъ, чтобы изобразить отчаяніе Башмачкина. Попытка найти покровительство у значительнаго лица и некстати выраженное подозрѣніе на счетъ господъ секретарей повели къ тому, что онъ заподозрѣнъ былъ въ вольнодумствѣ (Башмачкинъ и вольнодумство!) и разнесенъ такъ, какъ еще никто не разносилъ его, чуть не упалъ въ обморокъ, съ трудомъ по морозу добрался домой въ одномъ вицъ-мундирѣ, схватилъ горловую жабу, слегъ въ постель и скоро угасъ. Справедливость требуетъ прибавить, что значительное лицо, непредвидѣнно ускорившее смерть Акакія Акакіевича, было въ душѣ человекомъ добрымъ, и вся сцена распеканія, къ тому же неподвѣдомственнаго чиновника, произошла только потому, что хотѣлось пустить пыль въ глаза товарищу своей молодости.—Такъ, по словамъ автора, „исчезло

и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествоиспытателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее въ микроскопъ, ... существо... для котораго все-таки, хотя предъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь“ ¹⁾. Ужаснѣе всего то, что ищешь и не находишь виноватыхъ и въ тяжелой судьбѣ бѣднаго Акакія Акакіевича, и въ грустной его смерти.

По нашему личному мнѣнію, Гоголь ни раньше, ни послѣ не создавалъ такого гуманнаго произведенія, какъ его „Шинель“. Изъ-подъ пера его вышли творенія болѣе широкаго замысла и цѣли, болѣе совершенныя по художественному исполненію, но по силѣ сердечнаго отношенія къ судьбѣ маленькаго человѣка произведеніе это осталось непревзойденнымъ.

„Шинель“ окончена въ 1840 году; въ декабрѣ 1841 года представленъ въ цензуру первый томъ „Мертвыхъ душъ“, начатый, какъ нужно думать, еще въ 1834 - 1835 г. ²⁾. Это была горячая пора литературной дѣятельности автора. Онъ чувствовалъ, что его творческое дарованіе созрѣло. „Львиную силу чувствую въ своей душѣ“, пишетъ онъ въ іюнѣ 1836 года Жуковскому, „и за-

¹⁾ Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 111—112.

²⁾ Гоголь въ письмѣ къ Плетневу отъ 7 января 1842 г. пишетъ: „Дѣлю клонится къ тому, чтобы вырвать у меня послѣдній кусокъ хлѣба, выработанный *семью годами* самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ“ (Полн. собр. соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 460—461). Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 28 февраля 1843 года, Гоголь говоритъ иначе: „если надъ первою частью, которая едва оглянула десятиую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидѣлъ я *почти пять лѣтъ*“ (Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 263. См. также Вѣстн. Евр. за 1891 г., т. II, стр. 62 и прим. 1;—Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, примѣчанія проф. Н. С. Тихонравова. стр. 414, 510 и др.;—„Матеріалы для біографіи Гоголя“, В. И. Шенрока, М. 1895 г., стр. 58, 74—75, 392; ср. Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 88).

мѣтно слышу переходъ изъ дѣтства... въ юношескій возрастъ“ ¹⁾. По замыслу автора, въ „Мертвыхъ душахъ“ должна явиться вся Русь. Это будетъ первая порядочная вещь, которая вынесетъ его имя ²⁾. Это—„святой его трудъ“ ³⁾, „подвигъ цѣлой жизни, посильный даръ родинѣ“, купленный цѣною великихъ лишений ⁴⁾. Углубленіе въ предметъ, расширеніе наблюденія на новыя лица и явленія жизни вызывали у Гоголя увѣренность, что въ своемъ окончательномъ видѣ это будетъ произведеніе колоссальное.

Общая задача произведенія—вызвать благотѣльный нравственный переворотъ въ русскомъ обществѣ. Какъ нѣкоторымъ изъ романтиковъ, Гоголю казалось, что уврачеваніе общественныхъ недуговъ заключается въ возвращеніи общества къ идеаламъ христіанства, въ личномъ самоусовершенствованіи. Нужно было только какою-нибудь силою создать въ обществѣ живое сознаніе этого идеала, подвинуть его на дѣятельное стремленіе къ осуществленію этого идеала въ жизни. Такую силу онъ видѣлъ въ словесномъ художествѣ. Онъ думалъ, что „заговори только съ обществомъ, на мѣсто жаркихъ разсужденій, живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей,—и двери сердець растворятся сами на встрѣчу къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть каплю почувствуютъ, что они (образы) взяты изъ нашей природы, изъ нашего тѣла“ ⁵⁾.

На основаніи собственныхъ указаній Гоголя необходимо думать, что „Мертвыя души“ должны были явиться въ 3 томахъ ⁶⁾. Первый томъ имѣлъ цѣлю вызвать въ русскомъ обществѣ сознаніе его пошлости и нравственной ничтожности ⁷⁾; во второмъ должны были выступить типы, стремящіеся къ нравственному воз-

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. I, стр. 384.

²⁾ Ibid., т. I, стр. 414.

³⁾ Ibid., т. II, стр. 99—100.

⁴⁾ Ibid., т. II, стр. 151.

⁵⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV², стр. 267.

⁶⁾ Ibid., т. IV², стр. 274.

⁷⁾ Ibid., т. IV², стр. 89.

рожденію, къ правдѣ и добру и призванные служить указателями „путей и дорогъ къ высокому и прекрасному“¹⁾: томъ этотъ долженъ быть свѣтлѣе по впечатлѣнію, чѣмъ первый²⁾; въ послѣднемъ, третьемъ, томѣ предполагалось въ рядѣ живыхъ типовъ представить съ одной стороны нравственное просвѣтленіе, воскресеніе порочныхъ типовъ, въ родѣ Чичикова и Плюшкина, съ другой стороны—людей добродѣтельныхъ, какъ вѣрил Гоголь, несомнѣнно существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества и на разныхъ поприщахъ русской государственной и общественной дѣятельности. Жизнь этихъ людей, какъ живыхъ носителей высокаго христіанскаго идеала, должна была одновременно и уяснять этотъ идеалъ и поощрять къ осуществленію его въ личной жизни. Этотъ томъ долженъ былъ служить какъ бы апофеозомъ Руси, быть гимномъ небесной красотѣ. Замысль автора „Мертвыхъ душъ“, какъ видимъ, былъ дѣйствительно грандіозенъ. Послѣ этого можно понять, почему Гоголь въ минуты созерцанія этого величественнаго цѣлаго приходилъ въ священный трепетъ и умиленіе отъ раскрывавшейся впереди картины. Планъ этотъ наводитъ на сближеніе схемы цѣлаго творенія Гоголя со схемой знаменитой Божественной комедіи Данте, съ дѣленіемъ ея на адъ, чистилище и рай. Знакомство Гоголя съ этимъ твореніемъ великаго Флорентинца сомнѣнію не подлежитъ.

Въ этомъ планѣ „Мертвыхъ душъ“ мы видимъ также ясный переходъ къ отраженію не только *прежняго*, но и *настоящаго* Гоголя³⁾,—Гоголя періода самоуглубленія и самовоспитанія. Уже извѣстное лирическое отступленіе въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“ неявно указывало на предстоящую перемѣну въ предметѣ и характерѣ творчества Гоголя, предрекало въ продолженіи труда откровеніе „несмѣтнаго богатства русскаго духа“, обѣщало воплощеніе въ художественномъ образѣ „мужа, одареннаго божескими

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 93.

²⁾ Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. II, стр. 365.

³⁾ Ibid., т. III, стр. 36—37.

доблестями“, и „чудной русской дѣвицы, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ“¹⁾. Эти строки писались уже тогда, когда общее содержаніе по крайней мѣрѣ второго тома опредѣлилось болѣе или менѣе окончательно. Переменная настроенія сопровождалась и подкрѣплялась измѣненіемъ взгляда на задачи и средства современнаго поэта, направленіе и задачи поэзіи. Гоголю стало казаться, что по состоянію русскаго общества настала пора дѣятельности лирическихъ поэтовъ²⁾, что средства сатиры исчерпаны, что только „лирической поэтѣ имѣетъ теперь законное право какъ попрекнуть человѣка, такъ съ тѣмъ вмѣстѣ воздвигнуть духъ человѣка“³⁾. Цѣлями „упрека и ободренія“ и опредѣлился подборъ дѣйствующихъ лицъ второго и третьяго томовъ, а „лирическая сила, которой у Гоголя былъ запасъ“, казалось, вполне обеспечивала ему такое изображеніе достоинствъ человеческой личности, что русскій человѣкъ возгорится любовью къ воплощенію ихъ въ своей жизни⁴⁾.

Намѣренію автора однако не суждено было осуществиться. При его жизни вышелъ одинъ первый томъ, составляющій „только крыльцо къ тому дворцу“, который предполагалось возвести⁵⁾; второй томъ, какъ нужно думать, также былъ готовъ. По сообщенію С. Т. Аксакова Гоголь читалъ ему четыре первыхъ главы II тома, при чемъ привелъ въ полный восторгъ и изумленіе

¹⁾ Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 223.

²⁾ Письма Н. В. Гоголя, изд. Маркса, т. II, стр. 517.

³⁾ Ibid., т. II, стр. 581.—Сравни слѣдующее мѣсто въ „Тарасъ Бульбѣ“: „еще небольшая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое, не поругавшись надъ бѣдою человѣка, ободрило бы его, какъ шпоры придаютъ духу коню, освѣженному водопоемъ“ (Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 307). Этого мѣста не было въ редакціи 1835 года.—„Я не знаю выше подвига“, говоритъ Гоголь въ „Исповѣди“, „какъ подать руку изнемогшему духомъ“ (Ibid., т. IV, стр. 278).

⁴⁾ Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 252.

⁵⁾ Письма Н. В. Гоголя, изд. Маркса, т. II, стр. 156.

силою и широтою творчества ¹⁾. По свидѣтельству Арнольди, Гоголь читалъ А. О. Смирновой, какъ ему припоминалось, девять главъ II тома ²⁾. Имѣются свѣдѣнія, что послѣднія двѣ главы того же тома были читаны С. П. Шевыреву ³⁾. Въ октябрѣ 1851 года Гоголь, прощаясь съ женою С. Т. Аксакова, сказалъ, что онъ не будетъ печатать II тома, что въ немъ все никуда не годится и что надо все передѣлать ⁴⁾. Это замѣчаніе не предвѣщало ничего добраго: предъ смертію взыскательный авторъ, не хотѣвшій оставить послѣ себя незрѣлаго труда, сжегъ его. Это было уже второе сожженіе: первое произошло въ 1845 году. Такъ погибъ трудъ, надъ которымъ авторъ работалъ 11 лѣтъ. Тотъ второй томъ, который обыкновенно печатается въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя, представляетъ одинъ изъ черновыхъ и первоначальныхъ набросковъ (какъ полагають, 1841—1842 гг. ⁵⁾), неполныхъ и неоконченныхъ, и потому не даетъ твердыхъ основаній для сужденія ни о типахъ, тамъ выведенныхъ, ни о художественности выполненія работы. Остается, слѣдовательно, одинъ первый томъ, какъ основа сужденія о высотѣ творчества Гоголя и силѣ его дарованія. Это, конечно, одно изъ великихъ произведеній не только Гоголя, но и всей русской литературы. Какъ живые, возникаютъ предъ нами типы Чичикова, Коробочки, Ноздрева, Манилова, Собакевича, Плюшкина, дамъ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятной, высшихъ и низшихъ чиновниковъ губернскаго города. Трудно сказать, насколько эти типы дореформенной Руси окончательно отошли въ исторію, и не найдутся ли гдѣ-либо по захоlustьямъ Коробочки, Собакевича, Плюшкины, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ.

Для насъ впрочемъ гораздо важнѣе уяснить, достигъ ли великій поэтъ хотя части той великой задачи, которую онъ поста-

¹⁾ Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 565—568.

²⁾ Ibid., т. III, стр. 561.

³⁾ Ibid., т. III, стр. 574.

⁴⁾ Ibid., т. III, стр. 575.

⁵⁾ Ibid., т. III, стр. 602.

вилъ себѣ при созданіи „Мертвыхъ душъ“. Произвелъ ли онъ то благотворное воздѣйствіе на русское общество, о которомъ мечташь? Несомнѣнно. Лучшій судъ въ этомъ отношеніи—судъ современниковъ. Гоголь самъ сообщаетъ намъ о впечатлѣніи, какое произвело на Пушкина чтеніе первыхъ набросковъ перваго тома: „Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи, началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, и наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“¹⁾ Это впечатлѣніе изумило самого Гоголя, особенно потому, что Пушкинъ самъ хорошо зналъ Русь и ея недостатки, а потому, казалось, изумить его было мудрено. С. Т. Аксаковъ, въ свою очередь, сообщаетъ, что по выходѣ I тома „Мертвыхъ душъ“ наиболѣе образованное общество и лучшіе цѣнители литературы были въ восторгѣ. Такихъ было однако меньшинство, большая же часть читателей, не исключая и людей интеллигентныхъ, „обозлилась на Гоголя: она узнала себя въ разныхъ лицахъ поэмы и съ остервенѣніемъ вступилась за оскорбленіе цѣлой Россіи“²⁾. Не говоримъ уже о бранчивой, безсильной и притязательной критикѣ Греча, Булгарина, Сенковского и отчасти Полевого: здѣсь въ значительной степени сказалась литературная отсталость. Изъ этого возбужденія, произведеннаго въ русскомъ обществѣ „Мертвыми душами“, ясно слѣдуетъ, что онѣ имѣли далеко не одно литературное, но и глубокое общественное значеніе. Гоголь и самъ понималъ причину этого. „Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ“, говорилъ онъ³⁾. Эти изверги, которыхъ такъ усердно рисовала до-гоголевская и современная ему литература, давали русскому обществу пріятное сознаніе, что оно на нихъ не похоже. Иное представляла картина русскихъ нравовъ у Гоголя. Зеркало было такъ совершенно, что не узнать

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 88.

²⁾ Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 66—67.

³⁾ Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 87.

себя было не возможно. „Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки“¹⁾. Не остался безъ вліянія и самый способъ Гоголя рисовать картины общественныхъ нравовъ. Ничтожные люди, выведенные въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“, по собственнымъ словамъ Гоголя, „ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ“²⁾. Дѣйствительно, мы напрасно искали бы у Гоголя того, что принято называть подонками общества. Маниловы, Собакевичи, Ноздревы, Иваны Григорьевичи, дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятныя принадлежать къ лучшему губернскому обществу. Здѣсь же находятъ себѣ пріемъ и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, какъ человѣкъ умный, воспитанный и пріятный. Его принимаютъ повсюду съ распростертыми объятіями, не знаютъ, какими услугами выразить ему свое вниманіе, считаютъ его человѣкомъ благонамѣреннымъ. Нужна была гениальная кисть Гоголя, чтобы, не нарушая внѣшняго благоприличія губернскаго общества, показать ему во-очію, сколько фальшиваго, непривлекательнаго, лицемернаго и эгоистическаго кроется въ немъ, какія темныя личности, въ родѣ Чичикова, принимаются въ немъ за людей порядочныхъ и благонамѣренныхъ. А картина развѣнчиванія недавняго идола? Трудно сказать, когда роль общества была болѣе сомнительна, въ пору ли незаслуженнаго вниманія къ Чичикову, или въ пору ожесточеннаго его преслѣдованія? Къ сказанному прибавимъ, что въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“, какъ и въ „Ревизорѣ“, тяжелое впечатлѣніе усугублялось полнымъ отсутствіемъ привлекательныхъ типовъ, на которыхъ могъ бы отдохнуть читатель. Гоголь и самъ хорошо понималъ это. „Пошлость всего вмѣстѣ“, говоритъ онъ, „испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 87.

²⁾ Ibid., стр. 89.

перевести бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ“¹⁾.

Еще важнѣе было вліяніе Гоголя на послѣдующую русскую литературу. Вліяніе это было рѣшительное и продолжается до нашихъ дней. Заслуга Гоголя состоитъ въ закрѣпленіи реализма и народности въ русской литературѣ, въ расширеніи содержанія литературнаго творчества, въ утвержденіи господствующаго значенія за нѣкоторыми эпическими и драматическими формами литературы, въ закрѣпленіи употребленія прозаическаго стиля въ произведеніяхъ эпоса и драмы. Въ этомъ смыслѣ Гоголь былъ истиннымъ и величайшимъ продолжателемъ литературнаго дѣла своего учителя Пушкина, не мало содѣйствовалъ расширенію общественныхъ задачъ художественнаго творчества. Не маловажное значеніе въ данномъ случаѣ имѣли свойства его могучаго дарованія и принятый имъ способъ освѣщенія явленій дѣйствительности, его юморъ. Въ исторіи попытокъ привнесенія національнаго содержанія въ литературу и сближенія послѣдней съ существенными вопросами современности сатирѣ и комедіи принадлежитъ выдающаяся роль. Такъ было у насъ; такъ было и на западѣ Европы. Уже въ сатирѣ Кантемира мы встрѣчаемъ нѣсколько живыхъ картинъ русской общественности. Императрица Екатерина II, хорошо сознававшая формальныя несовершенства своихъ комедій, признавала за ними то достоинство, что содержаніе ихъ почерпнуто изъ „моря естества“, т. е. изъ современной русской жизни. Фонъ-Визинъ силою своего дарованія умѣлъ воспроизвести нѣсколько русскихъ типовъ, поразившихъ его современниковъ силою жизненной правды. И это въ то время, когда въ эпосѣ, лирикѣ и трагедіи господствовала самая крайняя ложноклассика. Даже Державинъ, въ силу присущаго ему сатиризма, привнесъ въ свои оды нѣсколько блестящихъ картинъ современнаго русскаго быта, осо-

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, IV, стр. 87.

бенно великосвѣтскаго. Онъ же дѣлаетъ попытку привнесенія элементовъ русской народной рѣчи въ возвышенную лирику, въ эту заповѣдную область, по господствовавшей тогда теоріи литературнаго стиля. Нельзя также не вспомнить добрымъ словомъ земляка Гоголя—Капниста и его „Ябеды“, этой предшественницы „Ревизора“ по затронутому общественному явленію. Крыловъ и Грибоедовъ, первый своими баснями, а второй—своею безсмертною комедіею, существенно подвинули впередъ сближеніе русской литературы съ явленіями дѣйствительности и русскою народною рѣчью. Сатира Гоголя превосходитъ, разумѣется, все, что было сдѣлано раньше его въ этой области, а своими художественными картинами, выпуклыми, какъ пластика, и втиснутыми въ строго соразмѣрныя рамы, своимъ поразительно образнымъ языкомъ Гоголь рѣшительно подавляетъ все, что дала намъ до сихъ поръ русская сатира. Щедринъ, Некрасовъ и Островскій, его ученики, расширили кругъ наблюденія русскаго сатирика, углубили пониманіе смысла общественныхъ явленій, но, какъ художники, остаются позади его.

Вліяніе творчества Гоголя, впрочемъ, далеко выступаетъ изъ границъ той литературы, которую мы обычно относимъ къ сатирической по принятой литературной теоріи. Въ генетической связи съ творчествомъ Гоголя стоитъ направленіе, а отчасти и содержаніе литературной дѣятельности Достоевскаго. Замѣтно бросается въ глаза аналогія между исторіею творчества Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого. У одного и другого религіозные вопросы сдѣлались преобладающимъ предметомъ мысли и творчества въ послѣдніе годы ихъ жизни. Впрочемъ, въ одномъ и другомъ случаѣ можетъ и не существовать генетической связи, а сказываться лишь свойство дарованія обоихъ писателей и значеніе эпохи, которая выдвигаетъ извѣстные вопросы. Точно также трудно сказать, въ какой мѣрѣ „Война и миръ“, эта эпопея изъ русской исторіи XIX вѣка, была навѣяна эпопеей Гоголя „Тарасъ Бульба“; но едва-ли можно оспаривать, что реализмъ Толстого опредѣлился

не безъ вліянія творчества Гоголя. Даже такіе представители нашей литературы, какъ Тургеневъ и Гончаровъ, считавшіе своимъ учителемъ Пушкина, испытали на себѣ вліяніе творчества Гоголя. Иначе и быть не могло: послѣдующія явленія литературы и жизни есть порожденіе совокупности явленій предшествующихъ. Геній Гоголя, своеобразность и съ тѣмъ вмѣстѣ высокая жизненность его произведеній такъ очевидны для людей, одаренныхъ художественнымъ чутьемъ, что остаться внѣ вліянія ихъ было прямо не возможно. Тургеневъ говоритъ о себѣ, что сочиненія Гоголя онъ зналъ чуть не наизусть. Онъ же прибавляетъ, что „нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда имя Гоголя ¹⁾. Поэтому возможно допустить, что „Записки охотника“ Тургенева, какъ обращеніе къ воспроизведенію народнаго быта, остались не безъ вліянія „Вечеровъ на хуторѣ“. Мы говоримъ не объ идеѣ „Записокъ“, а объ ихъ формѣ и народномъ бытѣ, какъ предметъ разсказовъ Тургенева. По словамъ послѣдняго, „между міросозерцаніемъ Гоголя и его лежала цѣлая бездна“ ²⁾.

Указывалось на связь типа Обломова съ типомъ Тентетникова, выступающимъ во II томѣ „Мертвыхъ душъ“. Нѣкоторое соотношеніе между ними, пожалуй, дѣйствительно существуетъ, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что второй томъ „Мертвыхъ душъ“ впервые появился въ печати лишь въ 1855 году, „Обломовъ“ же Гончарова вышелъ въ свѣтъ въ 1859 году и писался авторомъ свыше 10 лѣтъ. Но если трудно установить непосредственную связь между типами Гончарова и Гоголя, то школа послѣдняго, его трезвый реализмъ замѣтно сказывается у Гончарова. Не говоримъ о дарованіяхъ второстепенныхъ, связанныхъ непосредственно съ литературною дѣятельностью Гоголя. Отсюда можно видѣть, какъ мощно было литературное вліяніе читаемаго нами поэта.

¹⁾ Полное собр. сочин. Тургенева, изд. 1883 г., т. I, стр. 70.

²⁾ Ibid., стр. 71.

Исполнилось горячее желаніе его сердца: онъ не только не умеръ въ потомствѣ, но и породилъ это потомство.

Великій поэтъ! Въ Кіевѣ, куда такъ часто рвалось твое сердце, въ матери городовъ русскихъ и въ центрѣ любимой твоей родины, собрались мы почтить твои заслуги для отечественной словесности и отечественнаго просвѣщенія, почтить твой гений—гордость Русской земли, выразить чувство благодарности признательнаго потомства за твои труды и лишенія, которые ты понесъ, какъ любящій и благородный сынъ своей матери-Россіи, за твои добрые уроки, на которыхъ воспитались и воспитываются цѣлыя поколѣнія русскихъ людей. Поклонъ тебѣ, славный сынъ родины!

В. Малининъ.